

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

СОВРЕМЕННАЯ ЗАПАДНАЯ ПСИХОЛОГИЯ РЕЛИГИИ:

Хрестоматия

Москва

Издательство ПСТГУ

2017

Хрестоматия подготовлена
при поддержке гранта РНФ 14-18-03771
«Современная западная психология религии:
адаптация в российском контексте»

Составители:

канд филос. наук *К. А. Колкунова*
канд. филос наук *Т. В. Малевич*

П Современная западная психология религии: Хрестоматия / . —
М.: Изд-во ПСТГУ, 2017. — с.

ISBN 978-5-7429-1062-6

Психология религии включает в себя достаточно разные теоретико-методологические подходы: от эволюционного и когнитивного до культурно-исторического и экзистенциального. К сожалению, все это богатство теоретических подходов и эмпирических исследований зачастую находится в основном вне поля зрения русскоязычного читателя. Назрела необходимость преодолеть сложившийся разрыв между отечественной и зарубежной психологией религии. Именно эту цель составители преследовали при подборе текстов, они большей частью неизвестны российской аудитории и направлены на ознакомление читателей с рядом ключевых подходов в психологии религии, начиная с 50-х годов XX в.: от уже ставших классическими теорий (например, типологии религиозных ориентаций Гордона Олпорта и психодинамической интерпретации этапов религиозного развития Аны-Марии Риззутто) и современных их модификаций до новейших теорий и подходов (например, когнитивного религиоведения и нейропсихологических исследований религиозного опыта и поведения). Составители стремились не только и не столько охватить все подходы и теории в современной западной психологии религии, сколько показать существующую между ними, несмотря на их разнообразие, взаимосвязь.

УДК 159.9
ББК 88

ISBN 978-5-7429-1062-6

© Издательство Православного Свято-Тихоновского
гуманитарного университета, 2017

Содержание

Психология религии в современном мире (вместо предисловия)
(*А. М. Двойнин, Т. В. Малевич*) 5

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

РОЛЕВАЯ ТЕОРИЯ РЕЛИГИИ

Сунден Я. Религия и роли. Психологическое исследование
религиозности (пер. с нем. *Е. А. Костровой*) 27
Хольм Н. Г. Ролевая теория Сундена и глоссология
(пер. с англ. *К. В. Алексина*) 59
Викстрём У. Одержимость как принятие роли
(пер. с англ. *Е. А. Костровой*) 71

АТТРИБУЦИОННАЯ ТЕОРИЯ РЕЛИГИИ

Спилка Б., Шэйвер Ф., Киркпатрик Л. Общая атрибуционная
теория в психологии религии (пер. с англ. *Т. В. Малевич*) 84
Викстрём У. Атрибуция, роли и религия: теоретический анализ
ролевой теории Сундена и атрибуционного подхода к изучению
религиозного опыта (пер. с англ. *Е. А. Костровой*) 116

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В ПСИХОЛОГИИ РЕЛИГИИ

КУЛЬТУРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

Бельзен Я. Историко-культурный подход в психологии религии:
перспективы междисциплинарных исследований
(пер. с англ. *К. А. Колкуновой*) 134
Попп-Байер У. Психология религии как герменевтический
культурный анализ — некоторые замечания о Клиффорде Гирце
(пер. с англ. *К. А. Колкуновой*) 157
Гелс А. Мистический опыт и интерпретации —
герменевтический подход (пер. с англ. *К. А. Колкуновой*) 177

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РЕЛИГИИ

Вергот А. Психоанализ, феноменологическая антропология
и религия (пер. с англ. *Т. А. Фолиевой*) 198
Вергот А. Иисус из Назарета и психология религии
(пер. с англ. *К. М. Антонова, А. З. Черняка*) 209
Голденберг Н. Р. Гендерная теория — ключевая герменевтика
в психоанализе религии (пер. с англ. *К. А. Колкуновой,*
Р. О. Сафроновой) 230
Риззутто А.-М. Объектные отношения и формирование
образа Бога (пер. с англ. *К. В. Алексина*) 254

**ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД
В ПСИХОЛОГИИ РЕЛИГИИ**

Хоффман Л. Экзистенциально-феноменологический подход в психологии религии (перевод с англ. *К. М. Антонова, Д. А. Горевго*) 284
Вульф Д.М. Феноменологическая психология и религиозный опыт (пер. с англ. *К. М. Антонова, Д. А. Горевго*)..... 307

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ И РЕЛИГИЯ

Олпорт Г. У., Росс Дж. М. Религиозная ориентация личности и предрассудки (пер. с англ. *Е. Н. Медведевой, К. А. Колкуновой*) 331
Киркпатрик Л., Худ Р. Внутренняя и внешняя религиозная ориентация: благословение или проклятие современной психологии религии? (пер. с англ. *Е. Н. Медведевой, К. А. Колкуновой*)....359
Элкинд Д. Развитие религии у ребенка (пер. с англ. *К. А. Колкуновой*)395
Бэйтсон Д., Шонрад П., Вендис Л. Развитие личности и религия (пер. с англ. *Т. А. Фолиевой*) 405
Циннбауэр Б., Паргамент К. Религиозность и духовность (пер. с англ. *К. А. Колкуновой*)..... 421

**ЭВОЛЮЦИОННАЯ И КОГНИТИВНАЯ
ПСИХОЛОГИЯ РЕЛИГИИ**

Киркпатрик Л. Эволюционная психология: новые основания психологии религии (пер. с англ. *И. С. Анофриевой*) 457
Буае П. Функциональные истоки религиозных понятий: онтологический и стратегический отбор в эволюционировавшем мозге (пер. с англ. *И. С. Анофриевой*)..... 489
Атран С. Когнитивные и эволюционные корни религии (пер. с англ. *Т. В. Малевич*)..... 521
Макколи Р. Н. Ритуал, память и эмоции: две когнитивных гипотезы в сравнении (пер.с англ. *И. С. Анофриевой*) 559
Барретт Дж. Л. Когнитивные ограничения индуистских представлений о божественном (пер. с англ. *Т. В. Малевич*) 590

НЕЙРОПСИХОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

Макнамара П. Лобные доли и эволюция общества и религии (пер. с англ. *Т. В. Малевич*)..... 614
Шахтер С. Религия и мозг: исследования височной эпилепсии (пер. с англ. *Д. В. Кожевникова*) 633
Азари Н., Слорз М. От нейровизуализации религиозного опыта до объяснения религии: критический анализ (пер. с англ. *Д. В. Кожевникова, Т. В. Малевич*) 656
 Указатель персоналий..... 678
 Указатель понятий и терминов 680

**Психология религии в современном мире
(вместо предисловия)**

Психология религии — динамичное и активно развивающееся направление междисциплинарных исследований, актуальность которого с учетом активизации религиозных процессов в современном мире нет необходимости специально объяснять. Проблематика данной области охватывает широкий спектр явлений — от формирования религиозных понятий личности и специфики религиозных паттернов поведения до корреляции религиозных состояний сознания с нейробиологическими свойствами человека, от эволюционной роли религии и связи с просоциальностью до процессов религиозной социализации и индоктринации, от феноменов религиозного фундаментализма и экстремизма до эффективности психотерапевтической помощи верующим.

Говоря о современном состоянии психологии религии, необходимо отметить, что ее расцвет, пришедшийся в США и Европе на 1890—1920-е гг., довольно быстро сменился упадком 1930—1950-х гг. — явлением, получившим, с легкой руки Б. Бейт-Халлами, название «взлета и падения» психологии религии¹. Такая динамика вполне объяснима как социально-историческими обстоятельствами той эпохи (в частности, двумя мировыми войнами и др.) и разгаром методологического кризиса в психологической науке, так и внутренней логикой развития самой дисциплины. «Возрождение» психологии религии² оказалось не столь стремительным и повсеместным:

¹ *Beit-Hallahmi B.* Psychology of Religion 1880—1930: The Rise and Fall of a Psychological Movement // Journal of the History of the Behavioral Sciences. 1974. Vol. 10. P. 84—90.

² *Wulff D. M.* Rethinking the Rise and Fall of the Psychology of Religion // Religion in the Making: The Emergence of the Sciences of Religion / Ed. by A. L. Molendijk and P. Pels.

оно растянулось на несколько десятилетий и привело к образованию на мировой научной арене многочисленных школ и подходов, нередко кардинально различающихся по теоретическим и методологическим основаниям, а также по взглядам на предмет и специфику психологии религии как исследовательской программы. Расхождение во взглядах, безусловно, во многом объясняется тем фактом, что психология религии — междисциплинарный проект: с одной стороны, она является прикладной областью психологии, а значит, повторяет многообразие психологических теорий и парадигм; с другой стороны, психология религии довольно тесно связана с религиозно-научными дисциплинами, что сильно отражается на специфике ее предметного содержания и исследовательских подходах.

Тем не менее в последние десятилетия психология религии на Западе переживает бурный рост: увеличиваются объем и количество профессиональных международных ассоциаций и объединений; активно издается периодика, выходят монографии и учебные пособия; открываются лаборатории и научно-исследовательские центры³; проводятся международные и региональные конгрессы и конференции.

Среди крупнейших *международных сообществ психологов религии* следует в первую очередь отметить следующие:

- Международная ассоциация психологов религии (*The International Association for the Psychology of Religion*; <http://www.psychology-of-religion.com>), основанная в 1914 г. и включившая в себя в 2003 г. объединение Европейских психологов религии (*European Psychologists of Religion*);
- Общество психологии религии и духовности, существующее в современном виде с 1976 г. как Отделение 36-й Американской психологической ассоциации (Division 36: Society for the

Leiden: Brill, 1998. P. 181–202.

³ Например Центр психологии религии (*Center for Psychology of Religion*; <http://www.uclouvain.be/en-psyreli>) Лёвенского католического университета (Бельгия), научно-исследовательский отдел «Религия, познание и культура» (*The Religion, Cognition and Culture (RCC) research unit*; <http://rcc.au.dk>) в Орхусском университете (Дания), «Левина: Лаборатория экспериментальных исследований религии» (*Levyna: Laboratory for Experimental Research of Religion*; <http://www.levyna.cz>) в Масариковом университете в Брно (Чехия), Лаборатория социальной психологии религии (*Social Psychology of Religion Laboratory*; <https://www.iusb.edu/psy-religion>) Индианского университета в Саут-Бенде (США) и др.

Psychology of Religion and Spirituality; <http://www.apadivisions.org/division-36/index.aspx>);

- Общество научного изучения религии (*The Society for the Scientific Study of Religion*; <http://www.sssrweb.org>), функционирующее с 1946 г.;
- Международная ассоциация медико-психологических и религиозных исследований (*Association internationale d'etudes medico-psychologiques et religieuses*; <http://www.aiempr.org/fr/>), созданная в 1972 г.;
- Международная ассоциация когнитивного религиоведения (*International Association for the Cognitive Science of Religion*; <http://www.iacsr.com/iacsr/Home.html>), образовавшаяся в 2006 г.
- Что касается *научных журналов*, в которых публикуются работы по психологии религии, то среди них необходимо выделить:
- «Международный журнал психологии религии» (*The International Journal for the Psychology of Religion*);
- «Архив психологии религии» (*Archive for the Psychology of Religion*) Международной ассоциации психологов религии;
- «Психология религии и духовности» (*Psychology of Religion and Spirituality*) Американской психологической ассоциации;
- «Журнал научного изучения религии» (*Journal for the Scientific Study of Religion*) Общества научного изучения религии;
- «Журнал когнитивного религиоведения» (*Journal for the Cognitive Science of Religion*) Международной ассоциации когнитивного религиоведения;
- «Психическое здоровье, религия и культура» (*Mental Health, Religion & Culture*);
- «Журнал духовности в психическом здоровье» (*Journal of Spirituality in Mental Health*);
- «Пастырская психология» (*Pastoral Psychology*);
- «Журнал психологии и теологии» (*Journal of Psychology and Theology*);
- «Религиоведение» (*Religious Studies*);
- «Обзор религиозных исследований» (*Review of Religious Studies*);
- «Зайгон: Журнал религии и науки» (*Zygon: Journal of Religion and Science*) Центра религии и науки «Зайгон».

В современной психологии религии существует большое количество направлений научных исследований: социально-психо-

логические исследования ролевого поведения верующих и их атрибуций, изучение психологических механизмов воздействия на психику религиозных объединений, кросс-культурные исследования адаптации религиозной личности к чужой этнокультурной среде; психоаналитические интерпретации образа Бога у взрослых и детей, изучение религиозности с позиций теории привязанности и теории диалогической самости, феноменологические исследования религиозного сознания, исследования психологических особенностей верующих, страдающих физическими и психическими заболеваниями, исследования различных аспектов психологии религиозной личности — самосознания, идентичности, смысловых образований, когнитивных стилей, мотивации, духовных состояний, смирения, религиозного обращения, религиозного копинга и пр. Это лишь часть того, чем занимаются психологи религии в настоящее время. Психология религии включает в себя также достаточно разные теоретико-методологические подходы: от эволюционного и когнитивного до культурно-исторического и экзистенциального.

Появление в психологии новых активно развивающихся концепций, методологических инструментов и технических средств измерения и анализа привело к возникновению междисциплинарных проектов и целых исследовательских областей, выходящих за пределы психологии религии, в том числе нейропсихологических и нейробиологических моделей религии и когнитивного религиоведения, использующих экспериментальную парадигму когнитивной психологии и методы нейронаук (электроэнцефалография, функциональная магнитно-резонансная томография, позитронно-эмиссионная томография, однофотонная эмиссионная компьютерная томография, транскраниальная магнитная стимуляция и др.) в изучении религии.

Таким образом, современная психология религии может похвастаться обилием эмпирических исследований — качественных, количественных, смешанных; экспериментальных, квазиэкспериментальных, корреляционных и др., а также богатством теоретического инструментария — понятий, концепций, методологий. В настоящее время психология религии является также оживленной дискуссионной территорией, выражающей рефлексию психологов религии по поводу ее предмета, методов, парадигм, статуса и места в комплексе психологических и религиоведческих дисциплин.

К сожалению, все это богатство теоретических подходов и эмпирических исследований находится в основном вне поля зрения русскоязычного читателя. Современная психология религии в России остается пока достаточно изолированной от зарубежной науки. Причины этого лежат в непростой истории отечественной психологии религии, разделившей судьбу всей российской науки в XX в.

Психология религии в России появлялась трижды и дважды практически исчезала, причем не в силу внутринаучной борьбы исследовательских программ или «сдвига» парадигм (в понимании Т. Куна), а из-за социально-исторических трансформаций российского общества, вследствие которых менялся «этнос» российской науки и само отношение науки к религии.

Первое «явление» российской психологии религии можно датировать концом XVIII в. Ее истоки можно найти в работе Ивана Михайлова (И. М. Кандорского) «Наука о душе», вышедшей в 1796 г. Эта книга заложила основы *психологии религии как дискурса*, который развивался затем в течение XIX в. внутри философских и богословских изысканий. К числу важных работ того времени принадлежат труды П. М. Любоковского, А. И. Галича, М. И. Владиславлева, В. Х. Кандинского, П. Я. Светлова, И. Я. Сикорского, И. М. Гобчанского, Ал-я И. Введенского и мн. др. В первой половине XX в. инструментарий психологии религии активно развивался такими представителями русской религиозно-философской мысли, как В. И. Несмелов, Л. М. Лопатин, Ал-р И. Введенский, В. В. Розанов, свящ. П. А. Флоренский, С. Л. Франк, Б. П. Вышеславцев и др. По мере выделения психологии из философии и ее становления в качестве эмпирической науки в конце XIX — начале XX в. также начали появляться религиозно-нейтральные работы психологов и медиков В. Ф. Чижая, Г. И. Челпанова, В. М. Бехтерева, А. Ф. Лазурского, Р. Авербуха и др. В развитие психологии религии внесли большой вклад и Д. Г. Коновалов, свящ. В. В. Платонов, свящ. С. Бежан. Надо отметить, что российскому читателю начала XX в. были доступны русские переводы вышедших тогда новейших зарубежных работ по психологии религии Ж.-М. Шарко, У. Джеймса, Р. де ла Грассеры, Т. Флурнуа, З. Фрейда и др. Были у российских ученых и возможности для международной коммуникации: участие в интернациональных научных мероприятиях, стажировки в зарубежных лабораториях и университетах и т.п.

Социально-исторические трансформации в России, связанные с октябрьской революцией 1917 г., становление идеологической диктатуры большевиков и борьба с инакомыслием ознаменовали уход со сцены психологии религии в прежнем варианте. На смену ей в 1920–1930-е гг. пришла психология религии новой формации (это ее второе «явление») как идеологически и политически ангажированная дисциплина, чья главная задача виделась в антирелигиозной работе и пропаганде атеизма на основе классового подхода. Так называемый «научный атеизм» стал идейной и методологической базой отечественной психологии религии, противопоставлявшей себя «буржуазным», «реакционным», «идеалистическим» и т. п. взглядам на психологию верующих. Позднее, в 1950–1960-е гг., в психологии религии на передний план вышел исследовательский интерес советских ученых, который затем привел их к работе над созданием марксистской концепции психологии религии. Большой вклад в развитие психологии религии той эпохи внесли Ю. Ф. Борунков, В. Р. Букин, А. И. Клибанов, В. И. Носович, В. В. Павлюк, К. К. Платонов, М. Г. Писманик, М. А. Попова, М. И. Шахнович, Д. М. Угринович, И. Н. Яблоков и мн. др. В тот период в России *психология религии сформировалась как самостоятельная область научных исследований*. Несмотря на то что ведущие советские психологи и религиоведы были неплохо ориентированы в трудах зарубежных ученых, в условиях социальной изоляции и оппозиционного настроения по отношению к зарубежной науке отечественная психология религии практически не коммуницировала с иностранной наукой.

Крушение советской общественно-политической системы в 1990-е гг., переход от тоталитарного общества к открытому, крах идеологических «регуляторов» науки и, как следствие, появление возможностей для идейного плюрализма и методологического разнообразия привели к вырождению марксистской психологии религии. В эти годы наблюдается изменение отношения к религии со стороны психологии: психология стремится к диалогу с Православной Церковью, осмысливает религиозно-антропологические идеи. Налаживание подобной коммуникации и соотнесение «научного» и «религиозного» видений психологии человека вылились в оформление «христианской психологии» в ее православном варианте (Б. С. Братусь, Ф. Е. Василук, Ю. М. Зенько, А. Лоргус, В. Х. Манеров, Б. Ничипоров, В. И. Слободчиков, Л. Ф. Шеховцова и др.). Теоретико-

методологической базой данного направления психологии стала православная антропология.

При этом «третье» явление психологии религии во второй половине 1990-х гг., стоящей на академических позициях, стремящейся к идеологической нейтральности и методологическому объективизму, оказалось несколько «заретушировано» набиравшей обороты христианской психологией. Тем не менее в работах Б. С. Братуся, И. М. Богдановской, Р. М. Грановской, Н. Л. Мухелишвили, С. А. Черняевой, М. В. Чумакова и др. были заложены основы российской психологии религии новой волны. Однако, несмотря на открывшиеся с падением «железного занавеса» возможности для налаживания коммуникации с зарубежной наукой, российская психология религии до сих пор продолжает оставаться в серьезной изоляции. И. А. Мироненко, рассматривая «глобалистские» (интеграционные) и «контрглобалистские» (изоляционистские) тенденции в отечественной психологии, отмечает усиление последних⁴.

Описанные особенности исторического развития психологии религии в России позволяют понять причины данных тенденций.

Среди внутринаучных причин следует отметить, что отечественные психологические теории, построенные по наследованным от марксистски ориентированной советской науки «лекалам», в целом довольно слабо корреспондируют с зарубежными и, в отличие от них, имеют незначительные выходы к практике. Очевидно, что отраслевая организация науки, категориальный строй, терминология отечественной психологии и зарубежной принципиально различны. А это означает, что существует разница не только в научных подходах к проблемам, но и в определении и в постановке самих научных проблем.

Среди социальных причин изоляции отечественной психологии религии нельзя не упомянуть языковой барьер — знание иностранных языков российскими психологами находится на весьма низком уровне, что значительно затрудняет обмен научной информацией. Также преимущественно ведомственная организация функционирования науки в России с соответствующей системой планирования и финансирования не способствует открытости и свободному сотрудничеству российских научных институтов с зарубежными. Управлен-

⁴ Мироненко И. А. Современная российская психология в контексте мировой психологической науки // Вопросы психологии. 2012. № 3. С. 44–50.

ческая политика в области отечественной науки и образования до недавнего времени фактически способствовала поддержанию этой изоляции, не создавая ощутимых стимулов для российского ученого-психолога к зарубежной активности, недостаточно привлекая в научные и образовательные центры иностранных специалистов и т. п. Немалую роль в поддержании изоляции играют до сих пор встречающиеся в среде ученых унаследованные с советских времен установки и стереотипы о том, что зарубежная психология судит об изучаемых явлениях поверхностно, а сама теоретически противоречива и методологически несостоятельна. И хотя сейчас старые эпитеты в отношении зарубежной науки как «капиталистической», «буржуазной», «ложной», «классовой», «чуждой», «враждебной» ушли в прошлое, на уровне обыденного сознания отечественных психологов по-прежнему существуют представления о том, что наша психология «правильнее», «лучше», «научнее» и т. п. работают до сих пор. Эти стереотипы проявляются иногда в снисходительном отношении к разработкам зарубежных коллег, в принижении значимости их достижений, например через дискредитацию теоретических основ их исследований или через чисто терминологические аргументы, когда спор о понятиях подменяется неприятием и критикой терминологии. Очевидно, что данные установки и стереотипы чрезвычайно вредят российской науке, лишь способствуя нашей самоизоляции.

К сожалению, эмпирические исследования в области психологии религии проводятся пока sporadически и зачастую фокусируются преимущественно на психологии православных верующих с инсайдерских позиций. В теоретическом же отношении российская психология религии нередко ограничивается анализом и пересказом концепций европейских и американских авторов первой половины XX в.

Однако есть признаки постепенного изменения сложившейся ситуации. В стране увеличивается количество серьезных исследований в области психологии религии и научных мероприятий, отмечается рост научных публикаций и защищенных диссертаций. Курсы по психологии религии стали входить в учебные планы подготовки психологов и религиоведов в университетах Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Кургана и др. городов России. В 2014 г. на базе Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Москва) создан «Центр психологии религии» — пока единственная, насколько

ко нам известно, профильная исследовательская институция в нашей стране.

Нельзя не отметить и то, что сегодня российские психологи религии обращаются к анализу своего исторического наследия и склоняются к саморефлексии по вопросам методологического характера. И за этим стоит отнюдь не болезненная тяга к самокопанию. Психология религии в России испытывает все те же трудности, что и многие другие психологические и религиоведческие дисциплины в постсоветский период. Российская психология последние 20 лет переживает кризис идентичности, который выражается в переживании учеными разрыва в культурной реальности прошлого и настоящего отечественной науки и который препятствует адаптации к изменившимся социокультурным условиям профессиональной деятельности. В самом общем виде этот кризис идентичности заключается в неопределенности представлений: Что российских психологов объединяет сегодня? С какими мировоззренческими идеями и психологическими течениями им следует себя отождествлять, и на каком языке коммуницировать? К каким эталонам и ценностным ориентирам в науке и практике следует стремиться? Как примирить нынешние столь разнородные идеи, подходы, методы в своем сознании и деятельности и тем самым достичь цельности себя в профессии?⁵ Не менее сложные процессы происходят в последние годы и в религиоведческом сообществе, в котором также ставятся вопросы самоидентификации, востребованности работы религиоведов со стороны государства и общества, преодоления диффузности профессионального сообщества и т. п.⁶ Не вызывает сомнений тот факт, что российская психология религии находится в настоящее время на этапе самоопределения, формирования собственной идентичности.

Учитывая вышесказанное, очевидно, что назрела острая необходимость преодолеть сложившийся разрыв между отечественной и зарубежной психологией религии. Именно эту цель мы преследовали при подборе текстов, вошедших в настоящую хрестоматию. Они

⁵ Двойнин А. М. Кризис в психологии или кризис идентичности российских психологов? // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 6. С. 94–107.

⁶ Смирнов М. Ю. Религиоведение в России: проблема самоидентификации // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 2009. № 1. С. 91–106; Фолиева Т. А. Головокружение от успехов — II // Религиоведческие исследования. 2015. № 1 (11). С. 111–122, и мн. др.

большей частью неизвестны российской аудитории и направлены на ознакомление читателей с рядом ключевых подходов в психологии религии, начиная с 50-х гг. XX в.: от уже ставших классическими теорий (например, типологии религиозных ориентаций Гордона Олпорта и психодинамической интерпретации этапов религиозного развития Аны-Марии Риззито) и современных их модификаций до новейших теорий и подходов (например, когнитивного религиозоведения и нейропсихологических исследований религиозного опыта и поведения).

Настоящее издание можно назвать уникальным для российской науки и не имеющим аналогов. В качестве некоторого исключения можно было бы указать на изданную в 2001 г. под редакцией М. В. Чумакова хрестоматию «История психологии религии»⁷, однако, несмотря на ее ощутимый научно-образовательный вклад, в ней воспроизведены классические тексты по психологии религии конца XIX — начала XX в. и не представлены современные работы. Кроме того, составляющие настоящую хрестоматию тексты впервые издаются на русском языке.

Безусловно, перед составителями хрестоматии стоял нелегкий выбор как в плане подбора текстов, так и при организации материала, учитывая двоякую — научно-исследовательскую и образовательную — миссию, возложенную на настоящее издание. Мы постарались не только представить теоретические основания различных подходов и концепций, но и показать, как эти подходы и концепции «работают» на практике, т. е. каким образом они применяются для описания и объяснения тех или иных религиозных феноменов. Кроме того, мы стремились не только и не столько охватить все подходы и теории в современной западной психологии религии (решение такой задачи в значительной мере превышает объем одной хрестоматии), сколько показать существующую между ними, несмотря на их разнообразие, взаимосвязь — поэтому во многих случаях их деление весьма условно. Также в рамках представленных подходов затрагиваются и основные проблемные области психологии религии: религиозный опыт (в частности, такие феномены, как религиозное обращение, мистические переживания, одержимость), ритуальные практики, формирование религиозных понятий и специфика рели-

⁷ Чумаков М. В. История психологии религии: Хрестоматия. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2001.

гиозных поведенческих стратегий, развитие религиозных представлений у ребенка, гендерные исследования, психологическое изменение религиозности и духовности, религиозные ориентации, роли и типы личности, эволюционная роль религии и просоциальность, нейробиологический субстрат религиозных переживаний и т. д.

Таким образом, конечный вариант книги, которую читатель держит в руках, состоит из шести разделов, каждый из которых содержит тексты, репрезентирующие теоретические подходы в современной психологии религии и их практическое применение. Представленные тексты, безусловно, разнятся по стилю и жанру написания (журнальные научные статьи, главы учебников, очерки и т. п.), однако крайне полезны с точки зрения ознакомления с многообразием зарубежной научной литературы по данной дисциплине. Перед каждой статьей помещены краткие библиографические справки, которые позволят читателю сориентироваться в персоналиях и историческом контексте психологии религии.

Первый раздел хрестоматии посвящен социальной психологии религии и включает в себя тексты, представляющие два магистральных и отчасти пересекающихся подхода, сложившихся в данной области, — ролевую и атрибуционную теории религии. Первая часть этого раздела знакомит читателя с теорией принятия ролей в психологии религии, разрабатываемой главным образом в скандинавской школе, и открывается отрывком из известной и чрезвычайно влиятельной работы ее основателя, шведского психолога **Ялмара Сундена**. Последующие два текста, принадлежащие перу его учеников и коллег **Нильса Хольма** и **Уве Викстрёма**, иллюстрируют прикладные аспекты данной теории на примерах глоссолалии и феномена одержимости соответственно. Вторая часть данного раздела начинается с программной статьи **Бернарда Спилки**, **Филлипа Шэйвера** и **Ли Киркпатрика**, в которой они выделяют основные аксиоматические положения атрибуционной теории религии и определяют ее потенциальное значение в эмпирических исследованиях религиозных каузальных схем и религиозных стратегий поведения. В завершение читатели знакомятся с текстом **Уве Викстрёма**, в котором он объединяет две эти перспективы и применяет их к анализу религиозного опыта.

Ролевая теория религии, предложенная Я. Сунденом, включает в себя три базовых элемента. Во-первых, это социология знания и эпистемологический конструктивизм, предполагающие первич-

ность социальной, культурной и, главным образом, лингвистической реальности в формировании сознания. Во-вторых, ролевая теория в социальной психологии, предполагающая, что принятие роли запускает не только определенные поведенческие, но и перцептивные паттерны, позволяющие «предвосхитить» реакцию «другого» в той или иной ситуации: в данном случае в роли такого «другого» могут выступать как конкретные личности (священнослужители, жрецы, родители, религиозные лидеры и т. п.) в их взаимодействии с предполагаемой религиозной реальностью, так и персонажи, зафиксированные в религиозных нарративах (например, ветхозаветные пророки) и находящиеся в определенных отношениях с этой религиозной реальностью⁸. В этом смысле, как утверждает Д. Кэппс⁹, принятие роли сближается с психоаналитическим понятием идентификации, поскольку простой имитации для принятия роли «другого» недостаточно: человек должен поместить себя в ситуацию «другого», что и позволяет ему предвосхищать поведение этого «другого» в ситуации, в которой данный человек находится в настоящий момент. Кроме того, механизм идентификации позволяет субъекту принять на себя не только роль «другого», но и роль той наивысшей реальности (например роль Бога в случае библейских нарративов), с которой «другой» взаимодействует, т. е. предвосхищать «реакцию» со стороны наивысшей реальности в обстоятельствах, аналогичных обстоятельствам того «другого», с которым человек себя отождествляет¹⁰. Наконец, третий элемент ролевой теории религии и религиозного опыта — это психология восприятия, предполагающая активное взаимодействие между поступающими извне стимулами и установкой, сформировавшейся в результате ролевого ожидания¹¹.

С другой стороны, несмотря на то что идентификация с ролью другого имеет большее значение для прогнозирования ожидаемого поведения ее носителя, предсказание поведения «другого» строится не только на прямой идентификации с ним, но и на иных основаниях, например на умственном расчете вероятности с опорой на раз-

⁸ См.: *Wikström O.* Attribution, Roles and Religion: A Theoretical Analysis of Sundén's Role Theory of Religion and the Attributional Approach to Religious Experience // *Journal for the Scientific Study of Religion*. Vol. 26/3 (1987). P. 390–400.

⁹ *Capps D.* Sundén's Role-Taking Theory: The Case of John Henry Newman and His Mentors // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1983. Vol. 21(1). P. 58–70.

¹⁰ *Ibid.*

¹¹ *Wikström.* Op cit. P. 391.

ные эвристики мышления, на имплицитном знании об особенностях поведения «другого», полученном при предыдущем опыте взаимодействия с ним, на атрибуциях и т.д. В связи с этим весьма перспективной выглядит атрибуционная теория в психологии религии. Она утверждает, что, благодаря религиозным понятиям, включенным в атрибутивный процесс, индивид удовлетворяет свою потребность в предсказании будущих событий и ощущает, что прямо или косвенно может контролировать их в тех случаях, когда, с нерелигиозной точки зрения, такой контроль невозможен. Другими словами, концепты «Бог», «боги», «духи», «сверхъестественная сила» и т. п. используются индивидом в качестве звеньев системы причинно-следственных связей, при помощи которой верующий объясняет, согласовывает и прогнозирует явления и события в мире. Также на основе атрибуций индивид ощущает способность влиять на будущее, либоверяя себя божественному провидению («все в руках Божьих»), либо обращаясь за помощью к сверхъестественным силам через молитву, ритуал и т. п. На настоящий момент атрибуционная теория интенсивно разрабатывается с точки зрения формализации ее положений, что открывает широкие возможности для ее проверки не только при помощи клинических наблюдений и полевых исследований, но и экспериментальными средствами.

Второй раздел хрестоматии охватывает различные подходы и программы, рассматривающие религию и религиозность с герменевтических позиций. Первая часть посвящена исследованиям религии в культурной психологии. Открывающая ее статья **Якоба Бельзена** исходит из историко-культурного подхода и тех возможностей, которые он предоставляет современной психологии религии. **Ульрика Попп-Байер** предлагает исследовательскую модель, основанную на герменевтическом подходе и интерпретативной антропологии Клиффорда Гирца. Завершается данная часть материалом прикладного характера — статьей **Антоня Гелса**, в которой он проводит герменевтический анализ мистического опыта. Второй блок текстов настоящего раздела отображает современные психоаналитические теории в психологии религии. Отрывки из работ **Антоня Вергота** иллюстрируют теоретический и прикладной аспекты его интерпретативного подхода к изучению религии. В статье **Наоми Голденберг** сквозь призму психоаналитического подхода рассматривается гендерная проблематика. Завершается раздел программной работой **Аны-Марии Риззито**, в

которой анализируются детская религиозность и роль объектных отношений в формировании образа Бога.

Современные психологи религии, которых в целом можно отнести к герменевтическому направлению, придерживаются разных позиций относительно происхождения религии как таковой. Представители историко-культурной ветви подвергают критике номотетические и натуралистические подходы к объяснению религии, а в своей собственной интерпретации исходят из сущностной историчности человеческого бытия, культурной обусловленности конкретных религиозных переживаний и способов их выражения. Для психоаналитиков — сторонников теории объектных отношений — религия генетически производна от отношений отца и сына, т. е. имеет психологическое происхождение. Кроме того, современные представители психоаналитических подходов далеко отошли от идей классиков психоанализа, и если одни из них интерпретируют их идеи в христианском ключе (например А. Вергот), то другие развивают и радикализуют именно ту часть наследия З. Фрейда, которая содержала в себе критику религии вообще и христианства в особенности (Н. Голденберг). Однако данных исследователей объединяет используемый ими метод интерпретации, который ориентирован на экспликацию значений и смыслов (культурных, религиозных и др.) и достижение понимания религиозных явлений, нежели на их объяснение и эмпирическую проверку в соответствии с канонами естественнонаучного подхода. При этом используемые для анализа интерпретационные схемы и модели чрезвычайно разнообразны (от герменевтических конструкций Х.-Г. Гадамера, П. Рикера, К. Гирца до психоаналитических построений З. Фрейда и его последователей). Как следствие, характер результатов таких исследований в большой степени зависит от специфики *метода*, которым они достигнуты.

В следующем небольшом разделе представлены два разных взгляда на феноменологическую психологию религии: Луис Хоффман очерчивает ключевые теоретические основания экзистенциально-феноменологического подхода, а Дэвид Вульф определяет дисциплинарные и предметные границы феноменологической психологии религии, описывает ее методологический инструментарий и применяет феноменологический подход к исследованию религиозных, в том числе мистических, переживаний.

Экзистенциально-феноменологическая психология фокусируется на вопросах о смысле человеческого существования, свободе и ответственности человека, конечности его бытия. Сами по себе эти вопросы релевантны тем ответам, которые религия предлагает верующим, а потому данный подход в психологии религии достаточно адекватен для понимания мотивации, системы смыслов и ценностей, жизненных целей и психологического благополучия верующих людей. Открытым остается вопрос, насколько феноменологические описания уникальны и самодостаточны или они должны подвергаться сопоставлению и количественной обработке, то есть быть начальным этапом исследований, строящихся по естественнонаучной модели. Тем не менее возможности экспликации обобщенных и инвариантных структур, в которые организован уникальный субъективный опыт верующих, позволяют не только широко применять качественные психологические методы в рамках данного направления психологии религии, но и переходить к количественным и смешанным психологическим исследованиям.

Четвертый раздел, условно названный «Психология личности и религия», чрезвычайно эклектичен по своему характеру и включает в себя спектр текстов, разнящихся как в теоретическом, так и в хронологическом отношении, но все же так или иначе рассматривающих религиозность как одно из личностных качеств. Он открывается программной, но в то же время эмпирической статьей Гордона Олпорта и Майкла Росса. В ней авторы операционализируют концепты «внешней» («незрелой») и «внутренней» («зрелой») религиозной ориентации, ставшие затем парадигмальными и доминирующими в психологии религии, и описывают апробацию шкалы, направленной на их измерение. Во второй статье Ли Киркпатрик и Ральф Худ проводят критический анализ данной методики и стоящих за ней теоретических конструктов и определяют ту роль, которую они сыграли и продолжают играть в психологии религии. Следующий блок материалов, принадлежащих Дэвиду Элкинду, а также Дэниэлу Бэтсону, Патриции Шонрад и Ларри Вентису, посвящен религии и индивидуальному развитию: в них рассматриваются детская религиозность и религиозная социализация соответственно. Наконец, еще один текст, вошедший сюда, за авторством Бриана Циннбауэра и Кеннета Паргамента, раскрывает чрезвычайно популярную в современной психологии религии тему — духовность как

альтернативный религиозности способ личностной самоидентификации.

Необходимо отметить, что психология личности предоставляет широкий спектр возможностей для операционализации понятий «религиозность» (religiosity) и «духовность» (spirituality), что в свою очередь позволяет исследователям активно внедрять психометрические методы в психологию религии и подвергать сложные культурные феномены измерительным процедурам. Применение психометрических шкал, факторного и корреляционного анализа стало отчетливым трендом в эмпирических психологических исследованиях религиозной личности, позволив психологам религии аккумулировать значительный массив эмпирических данных. Тем не менее подобный «наскальный» (от англ. *scale* — шкала) подход нередко подвергается критике — как со стороны феноменологически или экспериментально ориентированных психологов религии и религиоведов¹², так и со стороны противников «парадигмы измерения» в психологии как таковой¹³. Также стоит отметить, что в современных цивилизационных условиях (мультикультурных, поликонфессиональных и информационно открытых) происходят существенные изменения форм религиозности: индикаторами этого можно считать появление таких феноменов, как «религиозность без принадлежности»¹⁴, «лоскутная религиозность»¹⁵, «бриколаж»¹⁶, «православный атеизм» и пр. Именно поэтому перед современными психологами, занимающимися проблемами изучения личности верующих, стоит важная задача дальнейшей диверсификации и реоперационализации подлежащих измерению конструкторов и последовательного определения стоящей за

¹² См., например: *Gorsuch R.L.* Measurement: The Boon and Bane of Investigating Religion // *American Psychologist*. 1984. Vol. 39/3. P. 228–236.

¹³ См.: *Lamiell J.T.* Rethinking the Role of Quantitative Methods in Psychology // *Rethinking Methods in Psychology* / Ed. by J.A. Smith, R. Harré, and L. van Langenhove. London: SAGE Publications, 1995. P. 143–161.

¹⁴ *Davie G.* Religion in Britain since 1945: Believing without Belonging (Making Contemporary Britain). Oxford: Blackwell, 1994; *Davie G.* Europe: the Exceptional Case. Parameters of Faith in the Modern World. London: Darton, Longman and Todd, 2002.

¹⁵ *Wuthnow R.* America and the Challenges of Religious Diversity. Princeton: Princeton University Press, 2007.

¹⁶ *Эрве-Леже Д.* В поисках определенности: парадоксы религиозности в обществах развитого модерна // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2015. № 33 (1). С. 254–268.

ними психической реальности (мотивация, система смыслов, когнитивный стиль и т. п.).

В разделе «Эволюционная и когнитивная психология религии» представлены два относительно новых, но уже успевших завоевать признание академического сообщества направления — эволюционная психология религии и когнитивное религиоведение. В статьях **Ли Киркпатрика**, **Паскаля Буайе** и **Скота Атрона** рассматриваются общие теоретические и эмпирические основания этих подходов и их актуальная проблематика, в том числе вопросы об адаптивной функции религиозных верований и религиозного поведения, о соотношении религии и просоциальности, о формировании религиозных понятий, а также определяются ключевые методологические принципы и перспективы указанных междисциплинарных проектов. В работе **Роберта Макколи** анализируются ритуальные практики, а также та роль, которую в религиозных практиках играют их мнемические и эмоциональные компоненты. Еще одна статья прикладного характера принадлежит перу **Джастина Барретта**, где описываются результаты эмпирического исследования процесса формирования религиозных понятий на примере адептов индуизма.

Эволюционная психология религии и когнитивное религиоведение рассматривают религию не только как результат культурно-исторического развития человечества, но и как сложившийся в ходе эволюционного процесса прямой или побочный продукт адаптивных функций, связанных с выживанием человека, предлагая различные модели взаимодействия культурных и биологических факторов в формировании тех или иных религиозных феноменов: от редукции культурного развития к биологическому до модели биокультурной коэволюции, рассматривающей религию в качестве экологической ниши — продукта эволюции, также в свою очередь выступающего фактором эволюционных изменений¹⁷. При этом обе дисциплины, с их ориентировкой на экспериментальную парадигму, обладают широкими возможностями для экспериментальной проверки выдвигаемых ими гипотез, моделей и концептуальных построений.

Одним из основополагающих принципов когнитивного религиоведения является модульный подход к организации психики — одно из трех доминирующих (наряду с символическим и коннекционист-

¹⁷ *Ferretti F., Adornetti I.* Biology, Culture and Coevolution: Religion and Language as Case Studies // *Journal of Cognition and Culture*. 2014. Vol. 14. P. 305–330.

ским) направлений в когнитивных науках, предложенных в его классической версии американским когнитивистом Дж. Фодором¹⁸. Тем не менее когнитивные психологи религии опираются скорее на более позднюю версию данного подхода — гипотезу всеобщей модульности (massive modularity) психики, приписывающей, в отличие от Фодора, модульную организацию не столько низкоуровневым, периферическим когнитивным системам, сколько центральным когнитивным процессам¹⁹. Представление о том, что наше сознание не является *tabula rasa* и мы обладаем набором фактически врожденных и преднастроенных когнитивных структур — модулей, автоматически срабатывающих, специализирующихся на обработке определенных типов информации и универсальных для представителей различных этносов и культур, оказалось в основе двух ключевых для когнитивного религиоведения допущений: эпидемиологии репрезентаций и теории психического (theory of mind). Эпидемиология репрезентаций, предложенная антропологом Д. Спербером²⁰ в качестве метафоры для описания распространения культурных репрезентаций, утверждает, что «успех» той или иной репрезентации в культурной селекции зависит от ее «контагиозности» — способности легко запоминаться и привлекать внимание. Согласно второму допущению, кросс-культурно устойчивые и универсальные репрезентации «сверхъестественных агентов» (богов, духов, призраков и т. д.) являются продуктом теории психического — специфического модуля, специализирующегося на обработке информации о наших собственных психических состояниях и снабжающего нас интуитивными представлениями о поведении других наделенных сознанием организмов²¹.

Отметим, однако, что и гипотеза всеобщей модульности, и гипотеза узкой специализации когнитивных областей иногда выступают объектом критических замечаний: например, некоторые экспериментальные исследования указывают на то, что многие из вроде бы врожденных узкоспециализированных когнитивных структур (в том

¹⁸ Fodor J. *The Modularity of Mind: an Essay of Faculty Psychology*. Cambridge, MA: MIT Press, 1983.

¹⁹ Sperber D. *Explaining Culture: A Naturalistic Approach*. Oxford: Blackwell, 1996.

²⁰ Ibid.

²¹ Barrett J. L. *Exploring the natural foundations of religion* // *Trends in Cognitive Science*. 2000. Vol. 4(1). P. 29–34.

числе упомянутая теория психического) выполняют задачи, выходящие за пределы их предполагаемой области специализации, коррелируют с социальными и культурными показателями и подвержены биокультурной коэволюции²². В связи с этим, а также в связи с расширением теоретической и экспериментальной базы междисциплинарных проектов, изучающих культурные, социальные и экономические феномены с помощью методов когнитивных наук, когнитивное религиоведение и эволюционная психология религии все чаще выходят за рамки своих классических допущений, активно взаимодействуют между собой и заимствуют новые теоретические конструкты и экспериментальные парадигмы. Кроме того, обе дисциплины обладают существенным конкурентным преимуществом, позволяющим им избежать проблемы определения «религии» и «религиозного» как такового: они не пытаются объяснить «религию вообще» и данный конструкт лишь в эвристических целях, исследуя те паттерны мышления и поведения, которые получают религиозную интерпретацию и являются устойчивыми в кросс-культурном отношении²³.

Завершающий раздел настоящей хрестоматии посвящен биологическим основам религиозных феноменов и их нейропсихологическим и психофизиологическим исследованиям. В работе **Патрика Макнамары** речь идет о нейрхимических процессах, лежащих в основе религиозного просоциального поведения. **Стивен Шахтер** анализирует одно из наиболее популярных нейропсихологических объяснений религиозного опыта — гипотезу височных долей и височной эпилепсии. В статье **Нины Азари** и **Марка Слорза** представлен критический взгляд на доминирующую в нейропсихологических исследованиях религии гипотезу «лимбического маркера» и предложено альтернативное ей решение, подчеркивающее когнитивную значимость религиозных переживаний.

Благодаря современным достижениям в области методики и технических средств исследования мозговых процессов (например функциональной магнитно-резонансной томографии, позитронно-

²² Prinz J. J. *Is the Mind Really Modular?* // *Contemporary Debates in Cognitive Science* / Ed. by R.J. Stainton. Malden: Blackwell, 2006. P. 22–36; Малевич Т., Кожевников Д. Дискуссия о «врожденной» религиозности в когнитивном религиоведении // *Государство, религия, Церковь в России и за рубежом*. 2016. № 2(34). С. 373–398.

²³ Barrett J. L. *Cognitive Science of Religion: Looking Back, Looking Forward* // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2011. Vol. 50(2). P. 229–239.

эмиссионной томографии и т. п.) стало возможным наглядно представлять работу различных зон мозга, отчасти в связи с чем обозначился временный тренд в мировой нейропсихологии — поиск мозговых структур, в которых «локализуется» та или иная психическая функция — от чувства любви до религиозного опыта. В результате исследования религии оказались вовлечены в борьбу двух нейропсихологических подходов — локализационизма и антилокализационизма. Первый из них предполагает структурную локализацию психических функций в мозге и отчетливо прослеживается в нейротеологии — междисциплинарном проекте, направленном на выявление «нейробиологического субстрата» религиозной веры и религиозных переживаний²⁴. Этот проект остался за рамками настоящей хрестоматии, в том числе по причине его спекулятивности и неоднозначности²⁵. Второй подход настаивает на параллельной обработке информации и сближается с хорошо известной и признанной в России и за рубежом теорией о системной и динамической локализации высших психических функций, разработанной А. Р. Лурией и его учениками. В их работах было показано, что мозговое обеспечение высших психических функций (которые также задействованы в конституировании религиозного опыта человека) требует работы мозга как целого: «...высшие психические функции как сложные функциональные системы не могут быть локализованы в узких зонах мозговой коры или в изолированных клеточных группах, а должны охватывать сложные системы совместно работающих зон, каждая из которых вносит свой вклад в осуществление сложных психических процессов и которые могут располагаться в совершенно различных, иногда далеко отстоящих друг от друга участках мозга»²⁶. Включенные в настоящее издание труды позволяют взглянуть на разнообразие нейропсихологических моделей религии, балансирующих между двумя этими подходами.

В завершение нашего вводного экскурса и перед тем как предоставить читателю возможность вступить в интеллектуальный диа-

²⁴ Например, специфической «зоны Бога» в мозге; см. *Ramachandran V. S., Hirstein W. S., Armel K. C., Tecoma E., Iragui V.* The Neural Basis of Religious Experience // Society for Neuroscience Abstracts. Vol. 23 (1998). P. 519.1.

²⁵ См.: *Малевиц Т. В.* Нейротеология: теории религии и наука о мозге // Религиоведческие исследования. 2012. № 1–2. С. 62–83.

²⁶ *Лурия А. Р.* Основы нейропсихологии: уч. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования. — 8-е изд., стер. М.: Академия, 2013. С. 77.

лог с авторами статей хрестоматии и составить собственное мнение о прочитанном, мы хотим обратить внимание еще на одну особенность данной книги. Поскольку, как уже упоминалось выше, вошедшие в хрестоматию тексты на русском языке ранее не издавались, постольку особое внимание нами было уделено корректному переводу терминов. Насколько эта работа оказалась успешной — судить специалистам, мы же старались при переводе терминов соблюдать традиции, устоявшиеся в тех или иных отраслях и подходах психологии, философии, когнитивных и нейронаук. Нередко работа с текстами требовала поиска новых языковых средств выражения, и нам приходилось вводить новую терминологию. В связи с этим мы надеемся, что данная хрестоматия, наряду с ознакомительными, учебными и др. функциями, выполнит еще одну чрезвычайно важную, с нашей точки зрения, задачу — создание концептуально-терминологической базы русскоязычной психологии религии, без которой дальнейшее развитие дисциплины и ее преподавание представляются невозможными.

Хрестоматия адресована в первую очередь студентам, аспирантам, преподавателям и исследователям. Она может быть использована в качестве учебного пособия как для самостоятельной, так и для аудиторной работы при чтении курсов по психологии религии и религиоведению в высших учебных заведениях. Также данное издание окажется полезным для широкого круга читателей, интересующихся научной проблематикой, расположенной на стыке психологии и религии.

Мы выражаем искреннюю благодарность всем тем, кто непосредственным образом участвовал в реализации настоящего проекта — переводчикам, редакторам, консультантам, авторам материалов и издательствам, а также тем, кто так или иначе оказал нам содействие в этом трудном процессе: Российскому научному фонду, обеспечившему финансирование нашего проекта, руководству Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, на базе которого проект реализовался, в особенности прот. К. Польскову и д-р. филос. н. А. В. Саввину, коллективу издательства ПСТГУ и лично Дине Робертовне Кондахсазовой, проявившей неслыханные терпение и доброжелательность, Д. А. Горевому и А. С. Ивановой, работавшим над получением авторских прав, издательствам, эти права нам предоставившим, и лично проф. Вульффу, безвозмездно предоставивше-

му нам право на публикацию перевода его статьи и поддержавшему проект своим добрым напутствием, авторам текстов, оперативно откликнувшимся на просьбу о помощи в составлении биобиблиографических справок и оказавшим нам моральную поддержку своим одобрением, в особенности Н. Голденберг, А.-М. Риззутто, Д. Элкин-ду, Я. ван Бельзену; кроме того — К. В. Алексину, В. Н. Болдаревой, А. С. Ивановой (повторно), А. В. Кольцову, Н. А. Кореневой, которые осуществили техническую правку текста и составление биобиблиографических справок, Р. О. Сафронову за помощь в составлении указателей; а также канд. психол. наук, доценту И. Ю. Владимирову за ценные замечания и помощь в редакции хрестоматии и д-ру психол. наук, профессору М. В. Чумакову за положительный отзыв и поддержку проекта.

А. М. Двойнин, Т. В. Малевич

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

РОЛЕВАЯ ТЕОРИЯ РЕЛИГИИ

Я. Сунден

Ялмар Сунден (Hjalmar Sundén) родился в 1908 г. в Экшё (Швеция). Изучал теологию в Упсальском университете, после чего в Париже подготовил и защитил диссертацию «Философия религий», материал для которой обсуждал с Анри Бергсоном. Впоследствии совмещал пастырское служение с преподаванием религии в школах. С 1964 г. также преподавал в университете Упсалы, где создал первую в скандинавских странах кафедру психологии религии. Скончался в 1993 г. Свою основную работу — «Религия и роли. Психологическое исследование благочестия» — опубликовал в 1959 г. Ролевая теория Я. Сундена предполагает, что священный текст становится для читателя поведенческой моделью. В то же время, отождествляя себя с героями Священной истории, верующий осмысливает свой повседневный опыт в качестве религиозного. Ролевая теория нашла своих приверженцев как среди учеников Я. Сундена, так и среди других специалистов и по сей день сохраняет свою научную актуальность.

Религия и роли.

Психологическое исследование религиозности¹

Глава 1. Как организован мир религиозных переживаний с точки зрения психологии

Вводные замечания

Многие люди думают, что то, как физик интерпретирует воспринимаемое, и есть собственно мир. На это следует возразить, что мы не воспринимаем электромагнитные волны, когда видим форму или цвет. Точно так же мы не воспринимаем движения молекул, о которых говорят физики, когда наши органы чувств регистрируют тепло, холод, твердость, гладкость или шероховатость. Мы не воспринимаем

¹ Перевод с немецкого языка Е. А. Костровой.